

1. ТЕОРИЯ И СТРАТЕГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ

*В.Н. Шимов, д-р экон. наук, профессор,
ректор БГЭУ*

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАНЗИТИВНЫХ ЭКОНОМИК: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Сегодня для экономик переходного типа нет более важной задачи, чем их модернизация. Обусловлено это рядом обстоятельств: усилением конкуренции на мировых рынках товаров и услуг, значительной технологической и технической отсталостью производств, активизацией экономических глобализационных процессов, открытым характером национальных экономик, требованиями национальной безопасности и социальной стабильности, необходимостью роста благосостояния населения и многими другими.

Однако модернизация транзитивных экономик не должна рассматриваться как процесс, единый (одинаковый) для всех государств. Экономическая история развития стран, сложившаяся структура их хозяйств, уровень развития производительных сил, внешнеэкономические связи, глобализационные тенденции, специфика ресурсной базы *накладывают конкретный отпечаток на профиль модернизации*, определяют ее особенности в каждой стране. Только отталкиваясь от этого, можно надеяться на максимальную отдачу от проведения модернизации экономики, решение ею коренных задач реформирования хозяйственных систем, достойную интеграцию в мирохозяйственные связи.

Важнейшим фактором, определяющим направления модернизации экономики страны, является экономическая глобализация и связанные с ней процессы интеграции, регионализации, технического и технологического оснащения производства, формирования экономики знаний. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть три взаимосвязанные проблемы:

1. *Регионализацию* взаимодействия стран с переходной экономикой как важнейший аспект повышения эффективности модернизации хозяйственных систем.

2. *Конкурентоспособность* как производную технологического развития экономики и ее инновационной восприимчивости.

3. *Механизм* повышения конкурентоспособности экономики Беларуси на основе инновационного императива.

Глобализация далеко не всегда и не сразу приводит к выравниванию (сближению) стран по экономическим, производственным и техническим параметрам, уровню производительности труда. Более того,

она, как показывает современная практика, приносит максимальный эффект в первую очередь высокоразвитым в экономическом отношении государствам. Происходят, с одной стороны, дальнейшее обособление этих государств, так называемого *центра*, от остального мира, с другой — привязка относительно слабо развитых стран (*периферии*) к тем или иным государствам — представителям центра или их группировкам. Следует сказать, что сегодня к периферии относятся все постсоветские страны.

Данный процесс, безусловно, нельзя оценивать как *активизацию интеграции страновых хозяйственных систем*. Он свидетельствует лишь об одном — усилении роли внешней торговли и международных рынков в развитии национальных экономик.

Параллельно протекает и процесс, получивший в научной литературе название “стадии фрагментации”, т.е. разрушения многих национальных специфических структур, в том числе и вполне жизнеспособных на данном этапе развития экономики [1, с. 18]. Результатом разрушения является поиск государствами новых моделей экономического роста, базирующихся на эндогенных факторах, в первую очередь технологического характера.

Опора на эндогенные факторы развития была присуща страновым моделям экономического роста и ранее, однако глобализация внесла свои коррективы. Суть их состоит в том, что в современных условиях возрастает роль экономического фактора (внешней среды), который выступает в качестве *необходимого, но недостаточного ускорителя экономического роста* национальной экономики. Лишь сочетание экзогенных и эндогенных, т.е. обеспечивающих жизнеспособность национальной хозяйственной системы, факторов является предпосылкой устойчивого динамичного развития экономики страны.

Однако не всякая страна располагает *критической массой* эндогенных факторов, формирующих достаточно высокий уровень устойчивости хозяйственной системы к воздействию негативных последствий глобализации. К таким странам в первую очередь относятся государства центра и их группировки (США, Япония, ЕС) и лишь отдельные представители периферии (например, Китай, Индия). Считается, что только экономическое пространство с емкостью рынка не менее 300 млн потребителей “со средней наделенностью природными ресурсами может обеспечить создание жизнеспособных по глобальным критериям структур” [1, с. 19].

Все вышеизложенное позволяет, на наш взгляд, сделать чрезвычайно важный для определения направлений модернизации транзитивных экономик вывод:

- *эндогенные факторы* — это опора развития крупных стран либо субрегиональных и региональных их группировок, способных развиваться на собственной основе за счет наличия необходимых производственных, интеллектуальных и природных ресурсов, емкого внутреннего рынка;

• *интеграция в мировое хозяйство* — путь небольших государств низкого и среднего уровня развития, не обладающих необходимой емкостью внутреннего рынка и не располагающих требуемыми объемами и набором факторов производства.

Таким образом, *первый путь* модернизации предполагает сохранение здоровой части национальной структуры экономики, ее последовательную адаптацию к мировым глобализационным процессам. Это не интеграция (слияние) в мировое хозяйство, а *адаптация к мировым правилам хозяйствования* на основе внешнеэкономического взаимодействия, которое фактически блокирует вхождение в мировую экономику до создания необходимых условий. Это путь развития Китая, чрезвычайно положительно зарекомендовавший себя в последние два десятилетия прошлого века и в начале текущего столетия.

Второй путь — практически растворение национальных экономик в мировой хозяйственной системе. Это переход функционирования транзитивных экономик на правила игры мировой экономики в условиях глобализации. Он чреват коренной ломкой национальной экономической архитектуры. Пример такого развития — вхождение в мае 2004 г. ряда постсоциалистических стран в состав Евросоюза.

Какой путь модернизации экономики в контексте изложенного выше наиболее целесообразен для Беларуси? Думаем, что с учетом геополитического положения нашей страны, исторически сложившихся внешнеэкономических связей, структуры национальной экономики, освоенных внешних рынков товаров и услуг оптимальным представляется вхождение в одно из субрегиональных образований, формирующихся на основе СНГ, либо в ЕврАзЭС. В таком случае необходимо переходить от формирования всевозможных уставных документов к созданию реального единого экономического пространства. Это позволит сохранить *национальные экономики* стран-партнеров и, вопреки претензиям глобальной системы, сделать их могущественными, достойными мировыми партнерами [2, с. 29].

Как свидетельствует мировой опыт последних десятилетий, региональная и субрегиональная интеграция является наиболее эффективным средством достижения целей национального развития. В условиях активизации глобализационных процессов разумной альтернативы ей нет.

Жизнеспособность экономики в современном мире зависит в первую очередь от состояния развития науки, образования, технологической и технической баз производства, т.е. от *наукоемкости экономики*. В конечном счете именно она определяет конкурентоспособность национального продукта на мировых рынках товаров и услуг.

В последние 10–15 лет в странах *центра* формируется постиндустриальная “новая экономика”, в которой роль главного производственного ресурса играют знания и информация — основа V и VI технологических укладов. Локомотивом же динамичного социально-экономичес-

кого развития этих государств выступает высокотехнологичный комплекс — базис инновационного обновления всех секторов экономики.

Сегодня термин “*высокие технологии*” трактуется достаточно широко. Под ним понимается часть технологической базы практически всех отраслей современной экономики, где велика доля удельных расходов на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки (НИОКР). Применительно к промышленности к высокотехнологичным относят ряд подотраслей *машиностроения* (выпуск электронно-вычислительной техники и периферийного оборудования, авиационной и ракетно-космической техники, промышленных роботов и средств комплексной автоматизации производства, средств связи, радиолокации и радионавигации, сложных бытовых радиоэлектронных приборов и др.), *химической, фармацевтической и атомной* промышленности.

Производство высокотехнологичной продукции в мире обеспечивают 50 самых передовых макротехнологий. На рынке высокотехнологичной продукции доминирует узкий круг промышленно развитых стран. Так, США, Япония, Германия, Великобритания и Франция обладают 46 макротехнологиями и контролируют 80 % рынка [3, с. 4]. На долю США приходится 22 макротехнологии, Германии — 9, Японии — 7, Великобритании и Франции — по 4. По одной макротехнологии имеют Швеция, Швейцария, Норвегия и Италия.

В последнее время наблюдается определенное доминирование на рынках высокотехнологичной продукции США и Японии. Страны ЕС, начиная с середины 80-х гг. прошлого века, стали несколько сдавать свои позиции. Данная тенденция отчетливо прослеживается на некоторых наиболее показательных рынках наукоемкой продукции. Так, на мировом рынке телекоммуникационного и навигационного оборудования совокупная доля США и Японии составляет 37 %, а Германии и Великобритании (наиболее значительных европейских производителей этой продукции) — только 13 %. Аналогичные пропорции наблюдаются и на рынках микроэлектроники, продукции авиационной и ракетной промышленности, средств информатики, медицинского оборудования и материалов. Главные причины создавшегося положения — относительно низкий уровень внедрения в большинстве европейских государств (кроме Дании, Финляндии и Нидерландов) результатов НИОКР в промышленное производство и недостаточно эффективное использование венчурного капитала.

Активно на этом сегменте мирового рынка работают и новые индустриальные страны Восточной и Южной Азии: Южная Корея, Малайзия, Сингапур, Гонконг, а также Китай. На их долю приходится уже около 15 % мирового экспорта наукоемкой продукции.

Очевидно, что рынок высокотехнологичной продукции в достаточной степени *монополизирован* и пробиться на него крайне сложно, тем более что главные его резиденты делают все возможное, чтобы не толь-

ко закрепитесь, но и расширить здесь свое влияние. Результатом этой политики явилось последовательное изменение организационной структуры международного разделения труда. На смену традиционному межотраслевому международному разделению труда пришло внутриотраслевое его разделение с параллельным развитием международной производственной кооперации. Последняя привела к формированию транснациональных корпораций (ТНК) с технологически целостными производственными и сбытовыми цепочками, звенья которых расположены в разных странах, но действуют по единому корпоративному плану.

Все это в совокупности обусловило существенное *повышение конкурентоспособности* как наукоемкой продукции в целом, так и важнейшей ее составляющей (высокотехнологичной продукции) за счет снижения издержек производства, улучшения качества и потребительских свойств товара. Сегодня текущий индекс конкурентоспособности стран — лидеров в сфере высоких технологий оценивается следующим образом: США — 2, Германия — 4, Великобритания — 7, Канада — 11, Япония — 15, Италия — 24. У стран периферии он значительно ниже: Индия — 36, Китай — 47, Россия — 58 [4, с. 12]. Пробрить этот “щит” и выйти на рынки высокотехнологичных товаров можно единственным способом: за счет активного внедрения в экономику инноваций и комплексной, широкомасштабной поддержки государством этих производств.

Повышение инновационной восприимчивости догоняющих экономик во многом зависит от эффективности функционирования *национальной инновационной системы* (НИС) и использования накопленного странами экономического авангарда опыта. Обобщение последнего позволило выделить ряд закономерностей в формировании технологического лидерства, учет которых может способствовать ускоренному развитию высокотехнологичных производств в государствах периферии и их группировках [3, с. 6].

Закономерность первая. Наука и инновации — не только инструмент повышения конкурентоспособности экономики, но и базовый элемент постиндустриальной “новой экономики”, т.е. общества нового типа, основанного на знаниях.

Закономерность вторая. Развитие научных исследований в компаниях (объединениях, предприятиях) — важнейшее условие повышения потенциала научных открытий и новых технологических возможностей, обеспечивающих высочайший экономический эффект. В проведении исследований и разработок предпринимательский сектор играет ведущую роль, опережая университеты и государственные НИИ.

Закономерность третья. Вложения в науку и образование дают отдачу только при их стабильности или росте в долгосрочной перспективе. Прекращение финансирования исследований на одном из этапов не может быть компенсировано даже его существенным увеличением в бу-

душем. Экономическую отдачу от вложений в НИОКР можно получить при уровне наукоемкости ВВП не менее 1,5–2,0 %.

В странах центра данный уровень колеблется в диапазоне от 1,9 % в ЕС до 3,04 % в Японии. Однако и в Европейском союзе есть свои лидеры и аутсайдеры. Так, в Финляндии наукоемкость ВВП составляет 3,1, Швеции — 3,6 %, а в постсоциалистических странах, вступивших в ЕС в мае 2004 г., она значительно ниже (менее 1 %, за исключением Чехии и Словении). Учитывая роль инноваций в повышении конкурентоспособности экономики, Совет Европы на излете XX — начале XXI в. принял решения, направленные на стимулирование инновационного развития (Лиссабон, 2000; Барселона, 2002). В документе “Инновационная политика: современный подход в контексте Лиссабонской стратегии” поставлены две крупные задачи [5, с. 63]:

- довести к 2010 г. наукоемкость ВВП в ЕС до 3 %;
 - создать единое Европейское исследовательское пространство.
- В качестве основных направлений деятельности определены:
- существенное увеличение доли частного сектора в общих расходах на НИОКР;
 - первоочередное стимулирование спроса на инновации на рынках, наиболее восприимчивых к нововведениям;
 - стимулирование инноваций в государственном секторе;
 - усиление региональной инновационной политики.

Таким образом, для “догоняющих” стран решение вопросов конкурентоспособности товаров и услуг на внешних рынках становится возможным при внедрении в хозяйственную практику действенных мотивационных механизмов создания и распространения инноваций.

Социально-экономическая модель, реализуемая в Беларуси с середины 90-х гг. прошлого века, ориентирована на существенное сокращение (а в долгосрочной перспективе — и ликвидацию) разрыва с промышленно развитыми странами в уровне жизни населения и развитии производительных сил, что дает полное основание относить ее к разряду *догоняющих*. Поставленные амбициозные цели требуют и адекватных мер. В их ряду не последнее место принадлежит эффективной инновационной политике.

Оценка состояния научно-технической сферы республики свидетельствует о том, что ни одна из трех вышеназванных закономерностей формирования технологического лидерства в странах центра не реализуется в нашей стране на сегодняшний день в полной мере. Продолжается снижение наукоемкости ВВП: если в 1990 г. она составляла 2,11 %, то в 2000 г. — 0,81, а в 2003 г. — 0,73 %. При указанной тенденции слабым утешением является тот факт, что среди стран СНГ более высокие значения этого параметра наблюдаются лишь в России (1,4 % — 2002 г.) и Украине (1,1 % — 2002 г.). Отставание по показателю наукоемкости от стран ~~Организации экономического сотрудниче-~~

ства и развития (ОЭСР) чрезвычайно велико. По данным за 2001 г., его значение в этих государствах составляло 2,3 %.

Очень медленно меняется и структура финансирования научных исследований и разработок, унаследованная от плановой социалистической экономики. На долю бюджетного финансирования все еще приходится подавляющая часть финансовых ресурсов — 48,6 % (2003 г.). В то же время в странах центра удельный вес этого источника колеблется в диапазоне 25–36 %. Более того, в Беларуси в последние годы наблюдается тенденция увеличения объемов бюджетного финансирования на развитие НИОКР. Параллельно идет процесс последовательного снижения расходов на науку в консолидированном бюджете. Если в начале 90-х гг. прошлого века доля этих расходов составляла 1,42 %, то в 2003 г. — 1,07 %. В промышленно развитых странах она находится на уровне 3–5 %.

Аналогичная тенденция характерна и для соотношения ассигнований на науку из средств бюджета с ВВП. В 1995 г. данное соотношение составляло 0,53 %, а в 2002 г. — 0,35 %.

Наблюдается также значительная *деградация структуры укладов* определяющих технологий, применяемых в реальном секторе экономики страны. Так, по данным КНТ и НАН Беларуси, общее количество технологий, используемых при производстве основных видов продукции, составляет почти 6 тыс., из них 79 % относятся к традиционным и соответствуют III и IV технологическим укладам, примерно 16 % — к новым и только 5 % — к высоким [6, с. 18].

Ситуация усугубляется и *структурными диспропорциями*, сформировавшимися за период существования экономики страны в рамках единого народнохозяйственного комплекса Советского Союза, а также в связи с высокой степенью экономической самоизоляции СССР от мировых экономических процессов. Как известно, в промышленно развитых странах машиностроение и металлообработка составляют 40–50 % всех объемов промышленности, а вместе с ключевыми отраслями (химической, нефтехимической, лесной и деревообрабатывающей) — до 70 %. В Беларуси доля базовых отраслей — около 45 %, а машиностроения — 25 % [7, с. 69]. Таким образом, в республике существенно снижен потенциал доходности экономики, поскольку в современных условиях наиболее рентабельными (прибыльными) являются производители высокоинтеллектуальной продукции. Доходы же остальных отраслей достаточны лишь для элементарного экономического выживания. Последствиями формирования такой структуры промышленности являются низкий уровень благосостояния населения и постоянный дефицит ресурсов для инновационного развития экономики.

Результатом указанных процессов стало падение уровня научно-технической безопасности Беларуси по большинству параметров ниже пороговых значений, принятых в мире (см. таблицу).

Сравнительная оценка количественных параметров научно-технической безопасности Беларуси, России и некоторых стран мира с их пороговыми значениями

Показатель	Беларусь (2003 г.)	Россия (2000 г.)	Страны мира (1999 г.)	Пороговые значения
Затраты на исследования и разработки, % к ВВП	0,73	1,16	США — 2,8 Япония — 3,0 Германия — 2,4	2,0
Средний возраст исследователей, имеющих ученую степень, лет	54	53	44	48
Доля инновационно-активных предприятий в их общем числе в промышленности, %	13,6	9,6	Германия — 82,5 Швеция — 75,3 Австралия — 60,8	25
Удельный вес инновационной продукции в объеме промышленной продукции, %	4,4	3,5	Германия — 29 Австралия — 31	15
Удельный вес затрат на инновации в общем объеме промышленной продукции, %	3,2	1,06	Германия — 4,1 Швеция — 7,08 Финляндия — 4,3	2,5
Число патентных заявок на изобретения в расчете на 10 тыс. чел. населения	1,26	1,72	Страны ОЭСР, всего — 5,8 Япония — 28,3 Южная Корея — 10,9 США — 4,9	2,5
Доля передовых производственных технологий (ППТ), использовавшихся менее трех лет, в общем числе ППТ, %	30,2	30,7	Австралия — 83,0 Австрия — 87,0	65,0

Источники: Ласкин Г.А., Ленчук Е.Б. Промышленно-инновационная политика России в условиях глобализации // ЭКО. 2004. № 6. С. 36; О состоянии и перспективах развития науки в Республике Беларусь (по итогам 2003 года): Аналит. доклад. Мн., 2004. С. 9; Стат. ежегодник Республики Беларусь, 2004: Стат. сб. / Минстат Республики Беларусь. Мн., 2004, С. 49, 234, 236, 237, 239, 240, 331.

Выход из сложившейся ситуации видится:

- в выработке и реализации совместно с Россией (в рамках Союзного государства) *долгосрочной научно-технической политики*, ориентированной на создание современной инновационной экономики и единого экономического пространства. Обусловлено это общностью целей и

интересов развития субрегионального периферийного образования государств, формирующегося вокруг России, потенциально неплохой научно-технологической базой последней, ее амбициозными устремлениями довести в течение 5–10 лет удельный вес в мировой торговле высокими технологиями с 0,3 до 3–4 %, а к середине XXI в. — до 10–15 %;

- формировании *эффективной национальной инновационной системы (НИС)*, базирующейся на совместной российско-белорусской долговременной научно-технической политике и учитывающей мировые тенденции развития таких систем в условиях экономики знаний. Архитектура НИС нашей страны должна охватывать все без исключения сферы научной, образовательной, производственной, технологической и управленческой деятельности. Ее главные задачи — преодоление изолированности науки, ориентация исследований на коммерциализацию инноваций, отказ от линейных методов организации инновационных проектов и формирование сетевых систем создания, финансирования и рыночного освоения новшеств;

- разработке инновационной инвестиционной стратегии;
- изменении акцента в экспортном приоритете. Максимальную поддержку государства должны получить предприятия и производства, ориентированные на экспорт высокотехнологичной продукции и способствующие продвижению белорусских товаров на внешние рынки;

- всемерной поддержке отечественных научно-производственных структур, активно развивающих кооперационные связи с мировыми лидерами высоких технологий, обеспечивающих последовательную интеграцию в мировое технологическое пространство;

- консолидации усилий и средств государственных структур всех уровней, организаций научно-технической сферы, предпринимательского сектора экономики.

Все это, в нашем понимании, позволит Беларуси достойно войти в постиндустриальный цикл развития мировой цивилизации, обеспечить устойчивое развитие общества, существенно сократить разрыв в уровне жизни населения страны и государств Европейского союза, явится предтечей равноправной интеграции Республики Беларусь в мировую хозяйственную систему.

Литература

1. Зевин Л. Национальные экономические системы в глобальных процессах // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 11. С. 17–24.

2. Любимцева С. Структурная модернизация экономики // Экономист. 2003. № 2. С. 12–31.

3. Оболенский В. Технологическое соперничество на мировом рынке // Мировая экономика и междунар. отношения. 2003. № 7. С. 3–12.

4. Высокие технологии XXI века. IV Международный форум: Материалы конф. М.: ЭКСПО-ЦЕНТР, 2003.

5. Шелюбская Н. Новые направления инновационной политики ЕС // Проблемы теории и практики управления. 2003. № 4. С. 63–68.

6. Комплексный прогноз научно-технического прогресса Республики Беларусь на 2001–2020 гг. Мн., 2000. Т. 5.

7. Крюков Л.М. Национальная инновационная система: проблемы становления и развития // Белорусский экономический журнал. 2003. № 4. С. 66–75.

*П.Г. Никитенко, академик, д-р экон. наук,
профессор, директор ИЭ НАН Беларуси*

ФОРМИРОВАНИЕ НООСФЕРНОЙ ЭКОНОМИКИ — ИМПЕРАТИВ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПРАКТИКИ

Экономической теорией и практикой доказано, что в развитых странах, которые не богаты природными ресурсами и не имеют благоприятных природно-климатических условий, 90 % и более прироста ВВП обеспечивается за счет интенсивных факторов. В их глубинной основе лежит разум человека и человечества, выступающий на поверхности бытия в деятельностных формах знания, информации, интеллекта, мировоззрения, мироосвоения, природопользования, образования, науки, культуры, НТП, инноваций, производительных сил, производственных отношений, систем производства и логистики транспорта товаров, работ, услуг и всех других рукотворных деяний человека и человечества. Иными словами, каков уровень развития сферы разума (ноосферы) человека и общества, таков и уровень их жизнедеятельности и жизнеобеспечения.

Научный анализ и оценка существующих экономических теорий и воззрений, эффективности отечественной и мировой экономики позволяют сделать очевидным “пробивание” через “скорлупу бытия” инновационного понятия “ноосферная экономика” как содержания постиндустриального этапа цивилизационного развития экономики и теоретически разрабатываемых национальных моделей социально-экономического устойчивого инновационного развития.

Естественно, сегодня речь должна идти в первую очередь об оценке качества человеческого ресурсного потенциала и определении стратегических механизмов по его взаимодействию с природой и обществом на основе ноосферного императива развития экономики, впервые системно обоснованного в учении о ноосфере В.И. Вернадского и получившего воплощение в мировой экономике посредством концепции устойчивого развития. К сожалению, мировая общественность на известном форуме по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро (1992 г.) не вспомнила истинного ее автора. Вместе с тем в ближайшие годы следует ожидать мощного теоретического “прорыва” в становлении ноосферной идеоло-